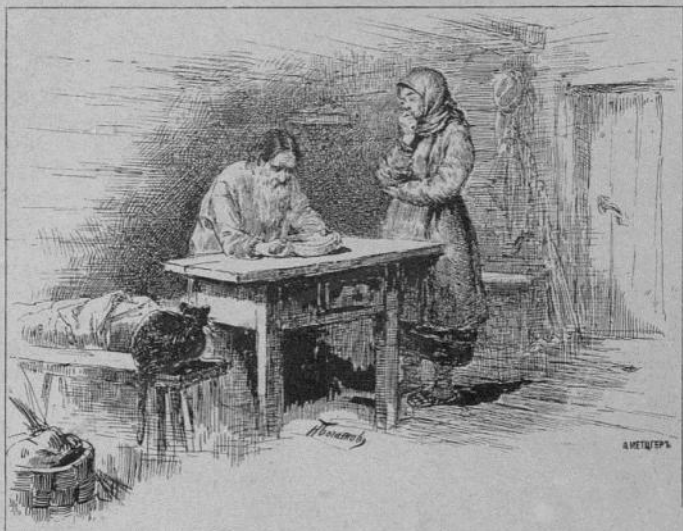

Знахарь.

Жиль-быль хоть бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ. Укралъ онъ разъ у бабы холстину и спря-талъ въ солому, а самъ давай повсюду хвастать, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и просить погадать. Жучокъ спрашиваетъ: «А что за труды дашь?»—«Много не могу, родимый: пудъ муки, да фунтъ масла дамъ».—«Ладно». Началъ гадать; по-гадалъ и говорить что ея холстина въ скирдѣ соломы тамъ-то и тамъ лежитъ. Стала баба искать—нашла холстину; кланяется, благодарить, Жучка за знахаря славить.

Дня черезъ два, черезъ три пропала у барина лошадь,—самъ же Жучокъ ее и укралъ.—Посылаетъ баринъ за знахаремъ, про-сить погадать. Сталъ Жучокъ гадать; погадалъ и говорить

барину, что его лошадь стоитъ въ лѣсу, въ такомъ-то мѣстѣ къ дереву привязана. Послалъ баринъ искать, сыскали лошадь и привели. Обрадовался баринъ, подарилъ Жучку сто рублей, и пошла о знахарѣ слава по всей округѣ.

Пропало разъ у князя обручальное кольцо. Ищутъ-поищутъ—нѣтъ нигдѣ. Послалъ князь за знахаремъ. Взяли Жучка, посадили въ повозку и привезли къ князю. «Вотъ, когда пропаль-то!—думаетъ Жучокъ.—Откуда мнѣ знать, гдѣ кольцо? Разгнѣвается князь, не миновать мнѣ бѣды.»—«Здравствуй, мужичокъ!»—говоритъ князь: — поворожи-ка мнѣ. Отгадаешь,—награжу, не отгадаешь,—голову съ плечъ сниму.» Приказалъ князь отвести знахаря въ особую горницу: пускай де цѣлую ночь ворожитъ, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ.

Сидитъ знахарь въ горницѣ и крѣпкую думу думаетъ: «Какой я отвѣтъ князю дамъ? Дождусь-ка лучше глухой полночи, да убѣгу, куда глаза глядятъ. Какъ пропоютъ третьи пѣтухи,—сейчасъ и задамъ тягу.»

А кольцо-то княжеское сташили трое: лакей, кучеръ да поваръ. «Бѣда, братцы!—говорятъ они между собой.—Вѣдь знахаръ-то, пожалуй, всю правду узнаетъ,—тогда намъ смерть неминуемая. Давайте подслушивать у дверей: коли онъ ничего не знаетъ,—то и мы молчокъ, а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего, придется ему повиниться, чтобъ только князю не говорилъ.» Пошелъ лакей подслушивать. Запѣли первые пѣтухи. «Слава Богу!—говоритъ Жучокъ.—Вотъ и первый, только-бы второго и третьего дожждаться.» У лакея душа въ пятки ушла. Прибѣжалъ онъ и говоритъ товарищамъ: «Ну, братцы, меня онъ узналъ! Только я къ двери, а онъ и говоритъ: «Вотъ и первый, только бы второго да третьего дожждаться!»—«Постой, я пойду,»—сказалъ кучеръ, и пошелъ слушать. Запѣли вторые пѣтухи. «Слава Богу!—говоритъ Жучокъ.—Два есть, остается одного ждать.» Перепугался кучеръ, воротился самъ не свой. «Теперь я пойду,—говоритъ поваръ: —если и въ третій разъ узнаетъ, придется повиниться ему.» Сталъ поваръ слушать. Запѣли третьи пѣтухи. Жучокъ обрадовался: «Слава Богу! Дождался третьего!»—да поскорѣй къ двери, а воры ему навстрѣчу, кинулись въ ноги

и просить: «Не погуби, не сказывай князю, вотъ тебѣ кольцо!»— Жучокъ живо смекнулъ, въ чемъ дѣло, приосанился и промолвилъ: «Ну, такъ и быть, прощаю васъ.» Взялъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ.

На утро князь спрашиваетъ Жучка: «Ну что, узналъ, гдѣ мое кольцо?»—«Узналъ, князь-государь!»—«Гдѣ же?»—«Подъ эту половицу укатилось.» Подняли половицу и достали кольцо. Князь богато наградилъ знахаря, велѣлъ накормить-напоить, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и вернулся къ знахарю. «Ну,—говоритъ,—если ты въ самомъ дѣлѣ знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Знахарь испугался, шепчетъ самъ себѣ: «Попался, братъ Жучокъ, князю въ руки. Теперь не выскочишь!»—«Вѣрно, твоя правда,»—сказалъ князь, еще больше наградилъ знахаря и съ честью отпустилъ домой.

Такъ-то, братцы, бываетъ, что и ума не приложишь, а случай выручаетъ!

